

ОЛЕГ ШУХАРТ

На задворках души...

Очнись от векового сна,
смахни с плеч пыль небесной манны
и тягостных рекламных пауз
кромешного самообмана.
Непостижимо трезвый разум
тобой гордится — человек дождя.

Осень

На задворках души
беспросветная осень —
позабыв падежи,
я блуждаю меж сосен.

Вместе с палой листвой
в круговерти природы
не ищу путь иной —
жду у моря погоды.

Календарных листов
раздражающий хохот
заглушает стихов
лихорадочный шёпот.

Мерно падают сны
в тесный саван бумаги,

и уже не видны
образа в полумраке.

Пепел

Я — лист. Меня терзает ветер.
Но я с живым огнём в глазах,
страх позабыв, смотрю на север
и жду, когда сверкнёт гроза.

Не верю сказкам лжепророков,
поющих суете хвалу.
За смелость обречён я роком
ходить по битому стеклу.

Я — лист. Однажды стану пеплом.
Но знаю, что дождусь любви —
найду я счастье жарким летом
и скроюсь осенью вдали.

Лишь дети счастливы и верят,
что жизнь красива и добра,
а тёплый пепел — землю греет,
сверкая синью серебра.

Живой

На горизонте забрезжил рассвет,
выдавив стон из обугленных стен —
значит, живой и ещё не отпет...
Числюсь погибшим под номером семь.

Выбиты окна, и нет потолка,
небо седьмое не видно в просвет,
смыла всё за ночь седьмая вода
на киселе — напорочив семь бед.

Но в день седьмой врач, пролив семь потов,
вымостил радостью торный путь в храм,
там, где сошлось семь нелёгких дорог,
своре химер заплатив по счетам.

Над Мариуполем солнце, и свет —
солнечным зайчиком скачет вдоль стен.
Вижу его, а товарищ мой — нет...
В списке погибших он — номером семь.

Бродскому

Петропавловским шпилем царапая небо,
замирает межрёберных комнат столица.
Ей мерещится Бродский меж явью и бредом,
что на Невском искал незнакомые лица.

Он вернуться мечтал на Васильевский остров
с петроградской простуды изданьем в кармане,
с нескрываемой грустью ночных разговоров
о балтийских болотах и Питере в мае.

Звуки гласных гасил, превращая их в строки,
сбив колени о ямбы, хорей и слоги,
сдав за так дифирамбы, грехи и пороки,
стылым пеплом посыпав к забвенью дороги.

Неприметным прохожим бреду вслед за Бродским.
«Север крошит...» — твержу как молитву пред Богом.
На Сенатской реклама со слоганом броским,
и знобит от вопроса: «Откуда ты родом?».

Я вошёл в твои двери на цыпочках
и украл из альбома мечты —
те, что были на тоненьких ниточках,
как две связанных вместе судьбы.

Наши сны — фотоснимки из прошлого,
отголоски небесной любви.
Близко к сердцу мы приняли многое,
но, как прежде, где я, там и ты.